

Даниил Андреев

За решёткой, в темноте и в дрызгах,
не отрётся от высоких дум
Дан – мечтатель, изощрённый ум,
не оглохший от железа лязга.

Изумрудный цвет болотной ряски
не забыл, но всё-таки угрюм
от того, что грозен леса шум
и бледны разрозненные краски.

Босиком бы в розовую рань!
И найти – мифическую Пра,
«Розу мира» на дороге главной...

«На полянах сердца» новым Ка
возведёт соборы на века
светоносно-льющаяся Навна.

30.09.1996

Иннокентий Анненский

На ступенях родного вокзала
он простился с воспетой землёй
и ушёл, завернувшись полой,
по пути, что судьба указала.

В кипарисовом складне, казалось,
поперхнулись несметною мглой
птицы-рифмы. Когда отлегло,
встрепенулись они – и умчались.

Безутешная тянется боль,
и какую б ни выбрал глаголь,
одинокю трилистнику в парке.

Только радостно видеть вдали,
как идут по заре корабли
и «Ник. Т-о» – капитаном на барке.

17.06.1996

Анна Ахматова

Где даль небес лазурна и чиста,
где в соснах звон услышишь бесконечный,
там есть притин, таинственный и вечный,
и светом облечённые уста.

Строка державна. Кажется, проста.
Но в жизни одержимой, скоротечной,
не позабудь о щедрости сердечной,
о силе слов и тяжести Креста.

За правду – продолжается борьба.
К летейским водам выведет тропа
нелюбящих, безропотных, унылых,

но не таких, чей ярый слог звенит,
сквозь негу смертную к живым летит,
огонь в душе рождая легкокрылый.

19.09.1996

Константин Бальмонт

Я – кудесник изысканной речи,
я – ключи от весеннего дня!
Никому невозможно отнять
волны моря, сердечные встречи.

Строки словно горящие свечи,
а душа – для других западня.
Кто способен поэта понять,
тот грядущее словом излечит.

Если дали зовут неустанно
и мечта – мироздания данность,
рвите путы из жизненных дрязг!

Утолите тоску непременно
властью вёсел весёлой вселенной,
я – предвестник космических ласк!

17.05.1995

Александр Блок

Слышен голос девичий на хорах...
В час заката – душа у окна
каждый день почему-то одна,
удивляя других в эту пору.

Краски неба спадают нескоро,
и об этом не знает она,
выпьет синьки небесной до дна
и шататься пойдёт пьяно в город.

Но в лучах опалённого дня
никому до сих пор не видна.
Обломилась у лезвия кромка.

Позабудь о себе и не комкай
плат узорный, моя незнакомка...
Слышишь, как заливается хромка?

22.07.1998

Борис Богатков

Решив судьбу стремительной атакой,
сержант ушёл в объятие огня...
И задохнулась, землю очерняв,
своей слюной фашистская собака.

Пройдут года, строка во имя блага
откроется – не время обвинять,
а боль тупую в сердце приунять,
крепить в солдате мужество, отвагу.

На подвиг песня грозная звала:
в бою раскрыв могучие крыла,
взлетела птицей в солнечные выси!

И вскоре он, познав смертельный риск,
пришёл домой, в родной Новосибирск,
снял каску, замер, воин светлолицый.

15.12.1995

Шарль Бодлер

Триптих

1

Из чаши жизни яд познания пил,
смакуя скорбь, полночные терзания.
Наперекор фатальному лобзанию
своей судьбы – он Сабатье любил.

Строкой волшебной вечность подкупил,
легко живётся кошке в подсознание,
и матери жестокой подаянье
в абсенте смертном медленно топил.

Где старый колокол в себе таит
огонь комет, пылающий Аид,
блик солнца от египетских пилонов,

там альбатрос, как некая мечта,
под грохот волн матросов гнусных чтя,
цветами зла морит морское лоно.

09.11.1996

Раздвиньте занавес – и вам открыта
 страница тайны гибнущих страстей,
 пропитых рож, обглоданных костей,
 довольных морд у сального корыта.

Вуаль синюшная дождём промыта.
 Актёрам брошен ворох новостей.
 Как будто ждут из-за кулис гостей
 две птицы странных, заревом облитых.

Рука поэта тянется к шнуру,
 чтобы открыть на полотне картины...
 Уже сильны волнения сатина,

но держит крепко действие шуруп,
 сюжетом круто ввёрнутым в мечту –
 оставить залу смрад и красоту.

22.11.1996

Когда на камни векового замка
 падёт струя небесного огня,
 взнуздает рыцарь свежего коня
 и лай затеять выдумает шавка,

когда увянет на балу фиалка,
 печалью ей уж некого пронять
 и лиц пергаментных в тоску вгонять,
 им лучше ртом беззубым вяло шамкать,

тогда перо, испытанное чудно,
возьмёт его и унесёт от будней
к Эдгару По, кудеснику ночей!

Пусть о душе, взлелеянной Парижем,
о бренности земной – что сердцу ближе? –
задумается старый книгочей.

11.12.1996

Иосиф Бродский

Уснул. И новым коридором власти
ушёл, черновикам забыв поставить кляп.
Завыли волки в ночь, кровь слизывая с лап,
собою веку подходяще мастью.

Однако, люди, сон его не сглазьте.
Он, мастер слова, ставил столько клякс и блямб,
что задубел измученный стихами ямб,
речь рвущий на излюбленные части.

Презрев Аида тёмного оценку,
поэт заметил на Коците пенку,
чуть цветом схожую с цепочкою дверной,

и в сернодышащую пасть химеры
послал последний харк, остаток веры:
тьма надоест когда, тогда придёт домой.

23.03.1996

Валерий Брюсов

Воспел поэт чеканный стих
на рубеже тех потрясений,
что выпали нам в день осенний.
России он доселе лих.

Забудь о резкости, прости
его, грядущий отрок мщений,
ведь он, умерив многих рвенье,
помог вдаль избранным грести!

Благословенно это место,
где можно древний мир вдохнуть,
подумать, что поведал Нестор,

себя в Элладу окунуть
и, посох мужеством усилив,
идти туда, где бог – Вергилий.

25.02.1996

Иван Бунин

Он испытал и славу, и забвенье
на родине и средь парижских куш.
Его стихи пронзил вечерний луч,
оставив след прекрасного мгновенья.

Животворяще строк прикосновенье:
вода журчит иль это майский хрущ?
В них слог – прозрачен, лёгок, всемогущ,
есть свежесть сада, ветра дуновенье.

Чем холодней, тем звонче речь ручья.
Под яблоней рассыпана мульча.
Штамб старый. Мрак. Червяк листочек точит.

Но мне милее – хляби маета,
плач чаек, качка, ночи чернота
и зарожденье звёздных многоточий.

30.01.1997

Винсент Ван Гог

Как пылал горизонт от подсолнухов праздных!
Синим вихрем застыли на миг облака.
Но, извечно в огне, колдовская рука
опалила весь мир чудодейственной страстью.

Краски дышат в полотнах свинцово-опасно,
и палитра горит, освещая века.
Вьётся смерч надо мной, и чужая строка
удивительно стала пронзительно-ясной.

Ожидая прихода Винсента Ван Гога,
кисти яро кричать заставляют деревья,
и земля откликается голосом древним,
плачет вечер навзрыд у ночного крыльца...
И, как будто я в детстве, себе на дорогу
твой горящий подсолнух срывает пацан.

14.09.2000

Павел Васильев

Иртыш, зима. На всех ветрах секущих
топорщится пожухлый куст репья.

На берегу – озлобленно стоят
два волка. Гривы – в серебре колючем.

О, этот вой, живое всё гнетущий!
Не вздрогнет кто? Чья не рванёт шлея
через снега в открытые края,
где виден день, спасение несущий?

Зовут кого из тьмы небытия –
глаза? А взоры чьи, вдали виясь,
уходят, словно медленные реки?..

Сибири волк, безумствуй от души!
За это будешь пулею прошит
и не забыт в поэзии вовеки.

30.10.1996

Поль Верлен

Диптих

1

Волшебная флейта спустилась на серые нары...
По кругу во дворике, где клумба в жёлтых цветах,
идёшь поутру в шеренге из жалких бродяг
и слышишь, как тихо рыдают забытые лары.

Не выпьют ни друг, ни жена из тюремной тиары
угарную страсть постранствовать, хотя бы за так.

Об этой дороге расскажет великий Плутарх,
и плачет душа парижан по звенящей кифаре.

Размерно слагаясь под музыку чудо-тоски,
изрядно натёрли опорные стопы мозги.

Что стало с тобой, с больной струной, в трепещущей рани?

Пригрезится грусть? Ну и пусть! Здесь, в приторной вони,
ослепнешь от слёз, оглохнешь от солнечных звонов.

Мир тесен, а он у поэта – безроден, бескраен.

14.01. 1995

2

Любовь и ненависть – вдвоём,
шатаясь, падая на камни,
бредут в кабак туманом ранним...
Над ними плачет окоём.

Карман пустой вновь сдан в наём,
там свищут ветры, холод давний.
Закрывают ржавой клямкой ставни,
но свет врезается в проём.

Вино разбавлено тоскою.
Тем лучше! С кислую бурдой
испить его в заре сырой.

Лишь строчка радостна изгоям,
бродягам, любящим свой край,
пропням, пропившим дольний рай!

02.02. 1995

Франсуа Вийон

Матёрый вор. Знал всё в искусстве бокса.
Тонул не раз – и выходил сухим.
В толпе бродяг – преставится глухим
к раскатам грома... О себе не пёкся.

Но был любитель строить парадоксы,
в строфе – блистать наездником лихим,
а пробиваясь молнией в стихи,
нередко плакал над цветущим флоксом.

Родной Париж верёвкою грозил
ему (убийце, мракобесу сил),
живущему в ужасной круговерти.

В ней неделимы правда, совесть, ложь.
Однако средь преступных мерзких рож
уже не первым значился у смерти.

20.04.1995

Максимилиан Волошин

Нет горше на земле трепещущей полыни,
когда её сечёт сухой колючий ветер,
когда скала, рождённая из тёмных недр,
закрывать не может пасть разъятую пустыни.

Гнетёт жар исполина – тонкую тростину.
Чуть дрогнет светлый мир, к нему взметнётся мэтр
(к живому он всегда открытым сердцем щедр)
принять всё на себя – за вечные святыни.

Но помнят о тебе, о пленник Персефоны,
гекзаметры валов божественные звоны,
кипящий берег, кряж, глухие голоса.

Летит твоя ладья на белый выплеск пены,
уверовав в предначертание вербены,
бесстрашно времени расправив паруса.

04.02.1996

Георгий Вяткин

В горах червонного Алтая
песнь родилась хвалить творца,
не изменился лишь с лица
Хан-Бобырган, в тумане тая.

Катунь, горячая, крутая
(найдёт ли кто реке ловца?),
рвалась из тайного ларца
в строку, легендой обрастая.

В гортанном клёкоте шамана
нашёл он посвист турухтана,
степной России голоса.

И ветвь раскидистого кедра,
песок золотоносный в недрах –
судьбы счастливой полоса.

21.01.1997

Зинаида Гиппиус

Поэт однажды в гости к ней пришёл:
салон, лорнет, изысканные взгляды,
за словом лести – язвы, яства, яды...
Но путь на этом не был завершён.

Что Мережковский в Зиночке нашёл?
Зачем ей снились белые отряды?
Не лучше ль море, синие наяды
и всем ветрам открытый капюшон?

Быть может, в лирике она слаба
(поиздеваться! – вот её судьба),
но не отнять любви – она от Бога!

Шептала слава: «Кайся и остынь!»
Но душу рвут – разбитые мосты,
огнём дотла сожжённая дорога.

06.12.1997

Николай Гоголь

То колесо добраться не смогло бы
до мёртвых душ, когда б не он, смеясь,
толкал его. О том, на след косясь,
который день судачат остолопы.

Куда? Зачем? И прётся по Европе,
по сторонам разбрасывая грязь,
увидев странное и подивясь,
задумались о чём-то эфиопы.

Один его благословил, призрел,
ступицу смазал, чтобы наш пострел
летел по камешкам столичным.

Чтобы катилось колесо туда,
в неведомое, где живёт беда
и счастье человека феерично.

14.01.1996

Александр Грин

С тобою я, счастливый пилигрим!
Мечту на реи выброшу живую
и вдаль рванусь сквозь тучу грозовую,
чья молния – письмо твоё, о Грин.

Вонючий трюм, команда – дикари,
пропились все и в морось чумовую
на бочку взобрались пороховую...
Осталось им желанное «умри!»

На клотике звезда зажглась. Ори!
Услышит кто? А волны-бунтари
режут, не зная отдыха и плена.

Встань, Капитан, на берегу зари,
открой сундук, волшебные лари:
как воздух чист! нет плесени и тлена.

03.02.1995

Леонид Губанов

В тюрьме сидел, не думал о себе.
В психушках плакал с юностью в обнимку.
Стихами жил, и в шапке-невидимке
с ним на галеры к Музе сослан бес.

Он рад был жить в заброшенной трубе,
в квадрат на 37 всадил бы финку,
да жалко «Грозного». И недоимку
приходится оплачивать судьбе.

Зол поцелуй холодных губ меча:
видна суровая на нём печать
от КГБ. Но, другари! коснитесь

душой огня, что грудь его порвал,
шаблонов цепь могуче расковал
и петь заставил лёгкую цевницу.

30.09.1997

Николай Гумилёв

Во сне рассветы, дальние, чужие,
терзают душу летнею порой –
война опять нахлынула горой:
гроза и ливень, вороны кружили...

Как лавой шли, как родине служили!
Свист пуль казался дьявольской игрой,
и разносили пехотинцев строй
кавалеристов огненные силы...

Но близок час неистойой трубе.
И ввалится грядущее к тебе
кровавым годом, тяжким звездопадом

и где-то, над задымленной Двиной,
откроет жизни новой, неземной,
ворота рая! иль дорогу к аду?

01.06.1998

Пётр Драверт

Диптих

1

Где морошка алеет по тундре,
ароматом пронизана даль,
там становишься ясным и мудрым,
удивительным как никогда.

Тишину небывалую утром
разве можно кому-то отдать?
Она дышит во мхах тёмно-бурых,
о которых рыдать мне, рыдать...

А в урмане угрюмой Сибири
затаился дух древних глубин.
Как раздольно, задумчивой ширью
льётся Обь в полноводье губы!

Словно мышка, шуршит строчка-отмель,
омывая песком кедра комель...

21.10.1999

Тяжёлый дух болот невыносим порой.
Не в них ли сброшены отчаяние, горе?
Но полнится водою северное море,
пленив смельчаков серебряной игрой.

И ты тогда в душе усилия утрой,
когда почувствуешь нутром заторы.
А другу не понять, как в ледяном притворе
завьюжится безудержных желаний рой.

Они придут, как дивный светоч изначальный
из тёмных вод низин, где призраки зачали
едва живую плоть, зернь тёплую любви.

Испив безмолвие холодных километров,
весёлый снега ток, лисицын след по ветру, –
звезду железную, попробуй, пригуби.

28.01.2000

Василий Ерошенко

Таких помиловал Господь
и – указал пути: идите...
Людей и свет бард мог невзвидеть,
упрёком душу уколоть.

В нём человеческая плоть
не знала слово «ненавидеть»,
готова мощный дух предвидеть,
любое горе измолоть.

И север слушал звон гитары!
Жила мечта опорой старой –
гореть! И я его пойму,

когда он сказкой синеокой
продлил свечение дней высоких,
осилив тягостную тьму.

15.05.1999

Вячеслав Иванов

Борением хотел бы превозмочь
земную тяжесть на дороге торной,
раскрыть слова в породе непокорной,
в молчащей клинописи – день и ночь.

По звёздам жизнь сверяя, обволочь
пытался тайной – дух высокогорный
и Дионисия характер вздорный
строкою светоносной истолочь!

Что под крылом несущейся купели?
Вновь мятежи космической метели,
немая плоть отвергнутых потерь?!

В его сонетах, тёплых от зарницы,
спят звуки итальянской колесницы
и золотом – отсвечивает ерь.

17.07.1995

Геннадий Карпунин

Придя – по мысленному древу –
к великим подвигам славян,
развеял он седой туман
былин и тайн Обиды-Девы.

В душе знаток значений древних
нёс груз преданий, как Боян,
читил свято «Слово», инь и янь
и в поле колос незрелый.

А на тунгусском пепелище
готов построить городище,
оставить след заметный свой.

И в русской речи, в тёплых встречах
живёт певец Синильги вечной,
огней сибирских – костровой.

24.06.1997

Александр-Матиас Кастрен

Томов двенадцать – вот его труды
о самоедах, котгах и марийцах!
И открывались нганасанов лица,
когда в их пользу он творил суды.

Под вьюгу легче высушить зады,
сырая рыба – это вам не пицца.
В сарае дымном пишутся страницы
далёкой родины, где скудные сады.

А мужа тянет истина к Саянам,
Там руны Калевалы, сны Бояна
вошли в его оснеженный катрен.

И нет ни Рима, славы Иудеи...
Но финну ближе сказы берендеев! –
таков этнограф и лингвист Кастрен.

22.08.1996

Николай Клюев

Диптих

1

Узнать его на Невском мудрено.
И где она, та самая собака,
что в ноги бросится, однако,
и заскулит протяжно и темно.

Придёшь к нему, сказать бы да смешно, –
полати, мох, иконы, свечи... «На-ка
ломоть ржаного... Не крутись, ломака,
оставишь верно скатерти пятно.

Уважь, присядь». Расскажет о далёком,
где облака похожи на молоки,
где шубу сроду не снимает зверь.

А в русских печках спрятались поэмы...
Кто и когда – вот таинство дилеммы! –
найдёт их среди утраченных потерь?

18.03.1996

Не всем рубаху чёрную носить,
чесать затылок гребнем редкозубым
и, выпятив промасленные губы,
под дурачка на улице косить.

До дыр – на крыльцах – есть кому сносить
льняную ткань. И выскажусь я грубо:
гудят уже серебряные трубы,
чекист кожанкой новою форсит.

Поэт, объятый силой ураганной,
под пристальным вниманием нагана,
навечно сгинет среди снегов и льда.

Под Томском где-то, в чёрном чемодане,
растут стихи – сибирские баданы,
им светит ярко Севера звезда.

02.02.1997

Михаил Кузмин

Его душа – осенние озёра –
подёрнута ненастной серой мглой,
и взгляд такой, что будто бы иглой
пронзить могла любого визитёра.

И лучше нет в пирушке фантазёра,
умеющего скрыть мечты игрой
на струнах грусти. Вот такой изгой
у нас всегда за пультом дирижёра.

Куда уплыть от блеска вечеров,
от блуда дев, артистов, фраеров,
одетых бытом в белые одежды?

Не в этот мир надуманных страстей,
где бьёт форель откормленных гостей,
что без царя, без веры, без надежды.

06.12.1997

Кучум (из венка сонетов)

Кучум, монгольский царь Сибири,
Несметной властью дорожа,
И от измены – сон круша,
Луне святой надежду вверил:

– О, Цаган-сульде! В чёрном мире
Судьбу кочевников верша,
Избавь от тайного ножа,
Спаси бессмертные кумиры.

А кто пойдёт против Аллаха,
Того постигнет участь праха:
Велик Сиин – ислама раб.

Но, вспомнив сабель жадных взмахи,
Тиран, как трус, дрожит от страха,
Сбирая летописцев скарб.

Михаил Лермонтов

И не мечтал погибнуть среди гор,
летая духом дерзко над Кавказом,
всё отвергал: подачи и заказы,
и пел своё – судьбе наперекор.

Его душа, огромный коленкор,
открытая для божьего наказа,
могла лечить России метастазы
и слышать дней отравленных укор:

кому нужны разгневанная буря,
у чёрных вод хор грациозных гурий,
по скалам – змеевидная тропа,

когда с высот под ненависти выстрел
стремительно идёт, огнём неистов,
стихов его неударжимый пал?

07.03.1995

Казимир Лисовский

Сибирь – планета чудная твоя:
простор равнин, льдов толща вековая,
звезда полярная, собачьи лаи,
свист крыл неистовых – в родных краях.

Есть добрый знак: воспеть свой «Красный яр»,
снежницу пить, где льдина мировая,
в пургу уйти, пусть юность чумовая
исторгнет стих – его запомню я!

Под звон звезды рванётся Енисей
к тебе, собрат, по синей зимней стуже –
олений гнать, спасать в снегах друзей,
искать могилу Бегичева-мужа.

И ты, поэт, где тундры ягель мок,
берёзке милой выдюжить помог.

15.01.1998

Осип Мандельштам

Из камня рифмой высечен огонь –
и вспыхнула в душе строка живая.
И с этих пор, кого-то зазывая,
с надрывом голос рвётся высоко.

Тропой, где хмарь – отцветшая вигонь,
где волком век истошно завывает,
невольник-пеший, пошлость убивая,
идёт в Сибирь оттачивать арго.

Но где начало мученику-слогу,
кто составитель звёздных каталогов,
кто, чуя смерть, над углями дышал?

Он – гордый сын, кто закованным в звенья
стихи читал, и всем на удивленье
с ним шла по аду русская душа.

26. 11. 1997

Анатолий Мариенгоф

Выбрасывая тросточку вперёд,
как стих, наполненный мечтою,
сноб, щёголь – лирой золотую
в Анатолеград сманивал народ.

Сергей, Вадим свой редкостный зарод
поэм – зальют водой святою
и звёздный тюк кой-как отмоют:
в нём пятна клюквы, сероводород.

А стол, как прежде, бедностью накрыт.
Развратничая, сдерживая прыть,
сочатся образностью слоги.

Петлёй вокруг шеи руки обвязав,
судьбе взглянув потерянно в глаза,
он в зори – выплеснет прологи.

17.02.1997

Леонид Мартынов

Забродит кровь, и хмель воспоминаний
вернёт его в наивные мечты:
зажечь снега, реветь до хрипоты
о недостатке опыта и знаний.

От дерзких обезумев начинаний
и тяжести межзвёздной черноты,
возьмёт и тихо всхлипнет у плиты,
устан от звона звукосочетаний.

Ему взбрѣдет – никто не остановит! –
и Лету переплыть, чумной в основе –
по мраку тѣмно тянущийся сток.

Себя осилив в трудном многоборье,
он будет, помня берег Лукоморья,
фрегат воздушный править на восток.

28.10.1996

Анатолий Марченко

Земляк, тобою поле грезит,
оно готово воли дать глоток,
чтобы железный камеры пруток
согнуть, сломать. Но в сердце – рези...

Век узнают – в надпилах, в срезах.
Степь Барабы пронизывает ток.
Здесь кровохлёбки крохотный цветок
усвоил ветра полонезы.

Светло в околках: поредели.
Но мир возможно переделать
и в противоборствующем строю.

Твой дух свободою прекрасен:
где жизнь кипит, где неба прасинь,
там ты стоишь у бездны на краю.

12.06.1997

Владимир Маяковский

Про всё хотел он знать наверняка.
Мечтал о ветке сакуры, покуда
ему судьба, как жалкая прокуда,
не изменила раз и на века.

Пегас не думает его лягать.
Однако, видя сажень среди люда,
любая стихотворная зануда
переставала пену извергать.

Бросая зычно шквал ударной рифмы
на жёлтую истерику толпы,
он потонул в жестоком сбое ритма
своей последней огненной стопы.

По скату зарева, как на крови,
за ним уходят поезда любви...

27.11.1996

Владимир Набоков

Диптих

1

Во сне Россию не узнать,
в стихах оплакать будет поздно.
Вернуться к ней – красивой, ложной –
не позволяет гордость-знать.

Но дом его – не запятнать.
В оврагах дым черёмух можно

сравнить лишь с юностью тревожной,
весёлой, лёгкой, словно ять.

Лолита – бабочка удачи.
(Её над Вырой вылет брачный
мою не трогает мораль).

Пусть счастье грезится нимфетке!
В чуть перекошенной фасетке
цветная крутится спираль.

15.07.1997

2

Турнир ведёт внимательно судья.
А кони белых зря не точат лясы,
в любую дырку сунутся мордасы:
им по душе манёвры, толчея!

Полна напором бешеным ладыя,
умеющая делать выкрутасы
на поле шахматном. Боеприпасы
у всех истощены. Итог: ничья?

Изменит ход лукавая усмешка –
игрок уверенно бросает пешку
ферзью под ноги, словно сала шмат.

Своим слоном давление усилив,
он скоро, хода в два иль три от силы,
поставит королю зеркальный мат.

18.07.1996

Циприан Норвид

Кто плачет над стихией Циприана?
Понять её неведомо и мне,
и в изнурённом от потуг уме
не нахожу желания нирваны.

Страсть к женщине – безумная гитана,
когда она, танцуя при луне,
вдруг замолкает в жуткой тишине,
услышав зов, летящий из гортани.

Бежать! – куда-нибудь, за океан,
отбросить всё и загасить вулкан
в своей душе, мятущейся и нищей!

И, умирая, освятить приют
молчаньем губ, которым не дают
и корки хлеба на чужом огнище.

01.03.1997

Булат Окуджава

Едва касаясь пальцами струны,
перебирая медленные звуки,
уводит бард нас слушать сердца муки,
серебряные звоны у луны.

Мотив, казалось, благостно уныл.
Ему завидовали даже урки,
и, не стесняясь, в каждом переулке
его тянули тихо шептуны.

Гортанный голос слышится... и с ним бы
увидеть днём невидимые нимбы
и жить и верить в розовом бреду!

Пусть в парк любви к святителям великим,
полночной синькой скрашивая лики,
последние «сохатые» придут.

02. 09. 1997

Дмитрий Олерон

Четыре года каторжных работ
и вечное сочувствие Сибири –
вот чем любовь оплачивают в мире
жирующих на подлости господ.

Других поэту не было забот:
ковать сонеты, странные здесь гири, –
в сырой холодной харьковской квартире...
Нелёгко – Эредиа перевод!

Но полюбил увалы и бураны.
В душе строкой залечивая раны,
он песни вьюги выучил в тайге.

Олимп увидел в сопках Верхоленья
и, маясь в них недугом умиленья,
сонеты пел заиндевелой мге.

19.03.1997

Борис Пастернак

Упрямый в гениальности, чудак,
а взгляд коня, Пегаса или Карьки,
быстр, обжигающ, словно глотке старка,
крепчайшего заvara добрый знак.

Ему являлась истина за так.
От полной стопки выстоянной марки
бывало мне и холодно, и жарко,
но я шептал восторженно: «Ништяк!»

Чем старше, тем яснее, проще слово.
В нём, радуясь, гудел огромный овод,
отстаивалось время, как вино.

Он, веря сердцу, в рубище изгоя,
любил дожди завидною судьбою,
свинцовый крест свой чувствовал спиной.

22.12.1997

Николай Перевалов

Не раз, где когда-то мечталось
о счастье мальчишке порой,
река отдавала металлом
и падало в воду перо.

А в воздухе смутно витала
знакомая песня. Игрой
тех звуков распахнуты дали,
и ты постарайся, открой

под лодкой – «Сарма» её имя –
воды родниковой слюду,
здесь бури проносятся мимо,
почуяв людскую беду.

Она до скончания дней
полощется молча в Ине.

30.01.1997

Александр Плитченко

Холм земляничный опустел:
ноябрь, морозы скоро грянут,
снега в черновики заглянут,
где след чернильный загустел.

Осталось много добрых дел.
И рожь растёт к весне упрямо,
и лист полынный на поляне
от стужи даже посветлел.

Пусть холод гнёт к земле травинку,
и лёгкую, как пух, снежинку,
и заржавелый жёсткий хмель,

согреет душу сентябринка,
с ней под осеннюю сурдинку
стрелю в небо рвётся ель.

10.11.1997

Эдгар Аллан По

Глаза – подобие волны,
душа его – морская качка.
И альбатрос, и чайка-крачка
от рода дней ему верны.

Подкладку жизни заверни
(страницу только не испачкай),
здесь смертному дана задача:
до гроба тайну сохранить.

И в горне адовом, могучем,
с ним был невероятный случай:
рождался замысел года!

Он в днях безумия метался
и жаждал смерти, ей бы сдался,
но ворон каркнул: «Никогда!».

26.04.1995

Евгений Поливанов

Чудак, знаток востока и санскрита,
ему Басё – бред сакуры весной,
а говор простолюдина родной
изучен им с тончайшим колоритом.

В среде китайцев слыл за фаворита.
Хотел умерить поезд скоростной!
И слышал часто в брани площадной
латыни звуки, голосок хариты...

На кафедре научных неприятий
он превзошёл всех яркостью открытий,
умел достичь азийской глубины.

А перед пулей, под Ташкентом жгучим,
предвидел глубь языковую лучше
и за собой – ни капельки вины.

14.08.1999

Борис Поплавский

Не плачьте о том, что уходит от нас без возврата,
из рая назад в его тело душа не придёт:
и горцу не дорог, ни сердцу степного арата –
безмолвный стервятник, что тени на землю кладёт.

Эвтерпа мне шепчет: с тех пор бесконечно я рада,
что нить золотую Морелла другая прядёт,
что вечный скиталец, живя под дыханием ада,
не спит и парижскую ноту в потёмках ведёт.

О чём эти звуки, проникшие в странные дали,
где холодно небу, где тайно во тьме бормотали
поэты и ангел – в «измятом костюме весны»?

Ночного Орфея пусть спросят летейские лица:
нашла ли родное гнездо белокрылая птица,
приходит ли русское небо в тревожные сны?

20.02.1997

Михаил Пришвин

Его любила каждая травинка,
безропотно стелилась под ногой,
когда он шёл, доверчивый такой,
оглядывая малую живинку.

Фужер держала синяя кислинка,
в ней капля неба, силы мастерской.
Волнушка рядом... Дышится легко,
и радуется божия кровинка.

На пень присев, творец, создатель дивный
мог оживить унылый мир куртинный
словечком тёплым, милостью весны.

Вблизи – махровый столбик медуницы
лелеет леса чудную цевницу
из кладовой, где стражи – колдуны.

12.02.1996

Александр Пушкин

1

Бессмертно солнце! И душа нетленна,
и в новом слове выразится век.
Служением известен человек,
его любовь к Отечеству священна.

Часы, минуты – лирой вдохновенны.
Пером чудесным он героев вверх
в великий продолжительный забег,
и дни и ночи этим дерзновенны.

Жуан и Всадник, Ларина и Ленский –
кипенье страсти, взгляд лукавый, светский.
Для всех – целитель, язва, друг, пророк!

Страницу в книге жизни открывая,
воспримет духом поросль молодая
неодолимость правды светлых строк.

07.05.1998

2

Дымится всё – тот пистолет в снегах.
Лес нем от совершённого злодейства,
но речка там, свидетельница действия,
хранить слова намерена века.

Строг окоём формальностью лекал,
ему нет дел до франтов и семейства.
Томимо памятью адмиралтейство:
след пороха идёт издалека.

Ещё – проспектом скачут дундуки,
ещё – скользят полозья близь реки,
снежок скрипит... Но жизнь судьбой ведома.

Исход узнает вскоре Натали.
Её печаль ничем не утолить,
как и печаль божественного дома.

09.03.1998

Хожу по парку... В золоте осеннем
дворец царицы, лестница и склон.
И где-то здесь гулял великий Он,
и плавал дух – михайловский и пленный.

Вдруг вспомню: снег, распахнутые сени,
шальную радость, вынужденный тон
ночной беседы, бабушкин салон,
и за окном – рой яростных плетений!

Зовут в столицу страстные порывы:
ведь там – огонь безумного костра,
и речь друзей призывна и остра!..

...Безмолвны пруд, серебряные ивы.
Спадает в тенях лёгкий жар лесной,
и юной деве скучно быть со мной.

26.05.1998

Сохраню ль к судьбе презренье?

«Предчувствие»

«Вошёл: и пробка в потолок...»
И нет числа придиркам, хохмам!
Отбросив с плеч горячих лохмы,
«француз» готов повергнуть зло.

Жуковский, надо ж, поволок
свою Светлану драть за космы...
А где душа-подруга? Ох! мы –
уединились в уголок

и тайно там читаем письма.
А щёки? Кожа? Вот так клизма!
Его же мучает запор.

Вчера он был весь бал в ударе,
да и сегодня смог ударить
чеканным ямбом чёрный сбор.

14.12.1998

5

О Муза, ты сдержаться не могла,
когда в салонах злобствовали сплетни,
когда от звёзд глаза красавиц слепли
и шёпот шёл по царственным углам.

Остра адмиралтейская игла,
и жалят тех завистливые слепни,
кто мир воспел, кто в скорбный час, последний,
измену, ложь и подлость отвергал.

Но навсегда с Россиєю остались
высокий слог, избранница – Наталья,
свободы зов, «Зелёной лампы» свет.

Есть, есть пророк в краю моём родимом!
И сердце углем жжёт неизгладимо
его любви немеркнувший завет.

07.04.1998

Сергей Рахманинов

Под звуки рокового фортепьяно
душа металась тенью русака,
и песня шла за ней издалека
мелодией качающейся, пьяной.

Там свист синиц и вещей зов Бояна.
Волшебная костистая рука
соединяла в нотных узелках
с куртиной леса светлую поляну.

За ним тянулась слава нелюдима.
Молчал, срывая замысел родимый
у флейты одинокой, у рожка.

Но в бурном половодье рек России
он слышал: поднимаются вновь силы,
и гнал Второй концерт через века.

02.05.1997

Артюр Рембо

Диптих

1

В палящем зное, без глотка воды,
идёт упрямо к цели цепь верблюдов,
среди горбов болтается ублюдок –
глаза что ночь да каменный кадык.

Вдали ему виднеются склады,
тюки для барж, слоновой кости груды ...

Писать песком здесь просятся этюды
и раем пахнут спелые плоды.

В уме кипящем зреют планы действий.
Тому способствуют пустыни вести:
уж спрос растёт! Не подвела б нога!

Шагать Рембо два месяца осталось ...
А жизнь, как персик, пополам распалась,
и давит дольку чёрная рука.

05.02.1995

2

О Востоке мечтая, бросил землю Европы,
в африканских песках слушал песни кабил.
Поэтический гений он рано сгубил,
чтобы снова торить непомерные тропы.

Истрепали ветра корабельные стропы,
звуки стонущих слов навсегда разлюбил,
чашу славы своей чуть поэт пригубил
и пошёл за мамоной сомнительной пробы.

Песня спета, Париж! Вспоминай же, Верлен,
как тебя увлекал он в губительный плен
стихотворной тоски и великих скандалов.

Где пустыня и зной, лижет камни гюрза –
за бесценок сойдут голубые глаза,
золотистый табак, древесина сандала.

29.05. 1996

Николай Рерих

Жить суждено среди ветров и гор былинных,
усталости не знать от жизни полевой
и темперой, растёртой краской луговой,
лик неба превращать в волшебные картины.

Сгори в святом кольце, мир пошлый и рутинный!
Преодолевая барьер языковой,
художник к людям шёл тропой роковой
и радовался тихо трепету светлыни.

Приняв Вселенной взор родной, голубоокий,
он Гималаи перенёс на холст широкий,
путь к миру очищая благостным огнём.

А добрый мальчик, вестник будущего века,
за руку брал и вёл большого человека
в Беловодье – легенды складывать о нём.

04.02.1997

Леонид Решетников

Закаливал сибирский резкий климат
не только нас – и танки, камни, злак.
Порою лес дождями так-то вымыт,
что ранам легче, веселеет шаг.

Пускай закату мы необходимы,
пусть позади огонь войны и зла,
нам горького досталось много дыма,
и юность пеплом в очерки вошла.

Во сне ли? – бьют орудия надсадно,
как будто сваи завтрашнего дня,
и воробьи взрываются над садом,
и речка взбаламутится до дна...

Наверное, привыкнем к тишине,
но – «не задремлет память!» – не к войне.

19.01.1998

Николай Рубцов

Растут его зелёные цветы
на Вологодчине, в Москве, в Сибири,
где вечер – в охре, полон тайн эфира,
где ткутся на руках ещё холсты.

Под сосен шум наводятся мосты,
меняются отжившие кумиры,
а люди жнут, залатывают дыры
и современные поют хиты.

Цветы печально могут говорить
и светлым чувством душу – озарить,
как флотскую, сиротскую, шальную,
что настрадалась, рано отошла,
России в дар навечно принесла
строку простую, добрую, родную.

09.08.1995

Игорь Северянин

Диптих

1

Испив сирени буйствующей пунш,
остатки выплеснув на дно канавы,
он, не боясь иронии отравы,
бросал себя под лироструйный душ.

Любовь играла вымученно туш.
И умирала публика от «браво»,
когда поэзой он лечил от славы
седых юнцов, молоденьких кликуш.

И, зная, что не пишут не любя,
от сердца пел на побережье Суды
и навсегда остался неподсуден,
читая веку, собственно, себя.

Но никогда фиалка не завянет
в твоём венке, о Игорь Северянин!

27.10.1995

2

Нашёл не то, о чём мечтал всю жизнь,
перебирая рифмы в ригурнели.
Его дизель, пристроясь на панели,
тянула длань под горькие гроши.

Приемля только в сердце мятежи,
она цвела на бархате фланели,
но, удержав секрет полишинеля,
могла сирень культурно обслужить.

Припудренно известно всё о нём:
ландо, поэзы, грёзы под вино,
иронией пронзённые напевы.

И на его – идти б колокола,
поверив в золотые купола
и в то, что он среди поэтов первый.

21.01.1996

Александр Смердов

Когда горят зелёные огни
в снегах родного Васюганья,
когда сверкает синей гранью
морозом крепко скованные дни,

когда слипаются глаза от книг,
прочтённых брезжащею ранью,
когда на снежном поле брани
одна гуляет смерть, и не усни! –

он, воин, там, в Тригорском, возле Гор
чуме коричневой наперекор
спасает славу русской тверди!

Он там – склонился, где нетленный прах,
забыв на миг себя, войну и страх,
твой рядовой, Россия, – Смердов.

17.01.1998

Елизавета Стюарт

Плывёт ли лодка одиноко
по глади озера – в века,
способно ль сердце извлекать
из глуби духа – зоркость ока,

ты знай, запомнится нам строгость
пера, та твёрдая рука,
что не устала мир строгать
и править молодость немного.

Расти останется полынь –
на островах, где жар и стынь,
где тишиной живёт предместье.

Под шум кипящих берегов
поёт о вечности лугов
её строка, и ей поверьте.

21.12.1995

Георгий Суворов

Зарылся в землю опалённый взвод.
И тишина. Предчувствие атаки.
И тучи придавили, словно траки,
солдат лежащих – скоро ли вперёд?

«Сердца на взлёте». Пусть противник прёт
на днём пристреленные смертью знаки!
Сейчас ножи блеснут в тяжёлом мраке!
И в горле сушь... И дым его дерёт...

Ракета ночь рванула, и за ней –
скрывается в бушующем огне
бойцов бегущих вал неударжимый.

Взметнётся смерч и кровью изойдёт...
Живой оглянется: рассвет грядёт,
и добрый век стоит несокрушимо.

27.11.1995

Лев Толстой

У речки Мичик вёл себя бесстрашно.
И враг повержен, силой укрощён:
на флангах пушки били хорошо,
стволы литые действовали властно.

За храбрость – крест. Награда же напрасно
пришла к нему: он в битву погружён,
его король пехотой окружён,
а королева – сдаться уж согласна!

Наверно, там четвёртый бастион,
романов и рассказов эмбрион,
в пыли и зное тайно созревает?

Весь пыл сраженья он душою взял,
войну и мир в единое связал:
железа лава – в форме остывает.

04.09.1998

Фёдор Тютчев

Откуда звон божественный в глаголе
и чистота весенних первых гроз?
Без дипломатических, строгих поз
он мог у нас работать дровоколом.

В Баварии не только протоколом
он жил. И для него больной вопрос –
где та, которой радостен мороз
и снежные весёлые уколы?

Под русским небом милая живёт.
В душе его, неистово-греховной,
возникнет лик возвышенно-духовный,
к себе, любимой, тихо позовёт.

И там, где след высокого костра,
боль мечется, как острога – остра.

06.11.1988

Афанасий Фет

Я не хочу обидеть Вас, поэт,
но с бородой окладистой надо
сенцо на сани вилами бы, клади
вершить. Не до геройских эполет.

А тут цветочки, бледный силуэт,
трель соловья, нечаянная радость,
барашков утром розовое стадо
и с дальней тучкой вечером дуэт.

Кто мог представить: крепостью и властью
силён Шеншин, сам будучи в напасти?
Тяжёлый от роду ему бастрик.

Но там, где зорька выстудилась за ночь,
разбилось сердце крепостное напрочь
и тихо плакал в бороду старик.

24.10.1998

Василий Фёдоров

С тобой подняться б на седьмое небо,
в лугах бродить до третьих петухов,
насобирать штаниной лопухов
и сытым быть от марьевского хлеба.

Когда весна, то не грустила б верба,
что нету рядом рыжих женихов –
подсолнухов. Они для пастухов
незаменимы, солнечные гербы.

Но вот ненастит в окна, и в душе
острее боль от чудо-витражей,
что вставлены в промасленные лужи.

Со всеми радость долгожданных гроз
делил он, слово доброе пронёс
к сердцам людей по салаирской стуже.

21.01.1998

Иван Фёдоров

Над грудой книг склонился и читает
заглавия взыскующий юнец.

Его душа, трепещущий птенец,
в предчувствии открытия летает.

Голодный ум безудержно глотает
тепло любви и горький солонец.
Грядущее ему в простой венец
листок от лавра трепетно влетает.

Не веря в силу будущего дня,
он старца молит: «Не зови меня,
я недостоин участи, учитель...».

Но между строк, сквозь хляби и трясины,
шёл знак к нему, колеблющийся, синий –
то нёс свечу великий Просветитель.

15.06.1996

Владислав Ходасевич

Когда растянет слякотью дороги,
отяжелеет влагою песок,
перечеркнёт – листок наискосок
и загрузит, измотанный тревогой.

В колючем слогe – где же вы, эклоги? –
таится голос – правдою высок.
Литературы нищенский кусок
ему пайковой слаще был подмоги.

Напоен воздух южным ароматом,
строкой державной, лестью наркомата,
но не подкупна пишушая сталь.

За двадцать лет труда и унижений,
за годы мук, ошибок, поражений
чужой не стала мартовская таль.

09.02.1997

Кацусико Хокусай

Душа – в лохмотьях, наг и нетерпим
к любому проявлению равнодушья.
В одном ударе кисти – прыть лягушья,
и дышит лист, миг вечностью узорим.

Он в страсти был рисунком одержим.
В них пляски птичьи, дикие, супружьи.
И, несмотря на тяжкое удушье,
по свету шёл, пока тот измерим.

С ним дочь Оэй. Её ли фантази
в цветенье вишни мог изобразить?
Но нет! То жизнь, закованная в рамы.

Ему сопутствуя, Каннон-судьба
тащилась всюду, верная раба,
и с нею – белый конус Фудзиямы.

15.11.1999

Диптих

1

Что может быть привычнее, когда,
впиваясь в ночь витийствующим взглядом,
поэт отправится бродить по Праге –
теченье Влтавы рифмою питать?

Сравнить ли с чем – в издёрганных годах
минуту вдохновенную, как радость,
и крепость юга в зёрнах виноградин,
в ревущих строчках рану-благодать?

Осилить духом тяжкие бега
дано в судьбе, а впереди – века!
Пусть плачет август, чёрная страница.

Умножив свет, дарующий добро,
она – своё железное перо
тебе вернула, русская земляца.

07.11.1998

2

Звенят натужно провода
в душе, измотанной дождями
и в кровь исхлёстанной вестями.
Весь мир – сиротство и нужда.

Как туча грозная – беда
надвинется, гремя костями,
и демон злобными устами
вопьётся в душу навсегда.

Одна двурога луна
ей, слава Господу, верна.
Но кто спаситель твой, Марина?

Он – горный дух, державный слог! –
тебя пленил и в скорбный срок
втянул под звёздную лавину.

25.01.1996

Леонид Чикин

Он был из крепких мужиков:
и мог бы комель в два обхвата
поднять. И с палкой суковатой
пасти на выгуле – быков.

Работник этот – не таков!
Рубил, таскал и, кроя матом
земную тяжесть, грозный атом,
тянул наш воз из тьмы веков...

И Шукшина берёг от мрази,
когда тот мучился, как Разин,
свой честно выполняя долг.

В строю остался резким, броским,
тоскующим душой по Сросткам
и знающим в глаголе толк.

23.11.1998

Чингисхан (из венка сонетов)

Раскосый демон ходит по земле
и жёлтым оком степь свою обводит:
зловещей тучей племя рядом бродит,
сверкают грозно молнии во мгле.

С ним Белый конь. Подобен он стреле!
Копытом, словно молотом, колотит
сухую твердь, огонь таится в плоти.
Ему не время под Луною млеть.

Витийствует безумие одно!
В жестокой схватке каждому дано
узнать свой род, живуче ли колено...

От юрт – бело. Идёт заря, светло...
И демона лучом во тьму смело
на берегах Онона, Керулена.

1985

Варлам Шаламов

Когда писатель в лагерной ушанке
на волю вышел, было так светло,
что даже звёзды – вымело метлой! –
горели днём, а солнце плыло шаньгой.

Любил рассвет и рифмы спозаранку.
Бывало, что замызганной ветлой
сор в угол заметал, больным – тепло,
тем самым их закончив перебранку.

Открыта нам колымская тетрадь.
В ней по привычке шею лекарь-брат
стянул петлёю белой – полотенцем.

Возненавидев доводы тюрьмы,
он соловьям своим к приходу тьмы
смолой янтарной смазывал коленца.

21.09.1997

Тарас Шевченко

По родине душа изныла.
Невозмогу ей крепость зла,
где соль Прикаспия вошла
и в плоть, и в кровь. Тоска, унылость.

Дышать ещё – какая милость!
Но воля – лиру сберегла
и песню новую свила
в пустыне жёлтой и постылой.

Из нот печальных и высоких
сложил он думу и для многих
слезой разбавил акварель.

Полынь и мазанка простая
уже не слышат, как страдает
о нём камышенка-свирель.

04.01.1996

Вадим Шершеневич

Когда устанут шоркать ноги тротуар
и заведёт в тупик негаданный дорога,
я оторвусь на день от милого порога,
куплю к тебе билет на жалкий гонорар.

И вот она, та степь, роскошный будуар,
излейся строчками в лист чабреца и дрока!
Под утро шершень чувств споёт и мне немного,
открыв по ритму сердца свой репертуар.

Спасибо за приют, любезнейший Алтай!
Остался денди здесь в истоме вечной тени
расходовать тоску, вести свой курултай!

Развевая над собой слов вымученных чад,
юнцом паду на мхом поросшие ступени —
в слезах свою мечту лелеять и качать.

24.08.1997

